

латышском, армянском, грузинском. Рецензии на книгу печатались во многих периодических изданиях, в том числе в газетах "Черноморська комуна", "Большевицкое знамя".

Его приглашали для участия во многих международных съездах, конференциях, симпозиумах. Он стал экспертом по вопросам военных преступлений и преступлений против человечности, вопросам фашистской идеологии.

Военную миссию по борьбе с зарождающимся фашизмом в Индии он выполнил будучи участником международной конференции по борьбе с фашистской идеологией в период кампании по выборам президента страны, которая была созвана лидером партии Индийский национальный конгресс Индиры Ганди.

Еще более сложную задачу предстояло решать в Анголе в годы гражданской войны и борьбы за независимость страны, когда правительство во главе с Аугустиньо Нето готовилось организовать военный трибунал для суда над английскими и американскими наемниками, которые сражались на стороне "мятежников" против Народной Республики Анголы. Будучи консультантом правительства Анголы, он употребил свои усилия для предотвращения такого судебного процесса как принципиально не соответствующего духу законов и обычаев войны, утвердившихся в международном праве со времени Нюрнбергского процесса.

Позиция А.И. Полторака была неугодной кубинским "добровольцам", которыми была наводнена страна в годы гражданской войны в Анголе. За ним была установлена слежка, которая должна была привести к устранению "неугодного" советника правительства А. Нето. По указанию МИДа СССР тайно, на военном истребителе, брат был вывезен с территории Анголы. Его деятельность в конце концов привела к провалу идеи о судебном процессе.

Многие печатные работы А.И. Полторака актуальны в наши дни.

В годовщину 60-летия вынесения приговора Международного военного трибунала главным немецким военным преступником в Нюрнберге хотелось бы вспомнить о замечательной работе А.И. Полторака отрывком из его книги "Нюрнбергский эпилог".

Давид ПОЛТОРАК
Москва

Аркадий ПОЛТОРАК

Суд народов Дорога на Нюрнберг

Июль 1945 года. Дивизия, в которой я служил председателем трибунала, возвращается из-под Праги в родные места. На этот раз путь был легким — солдаты спешили домой.

Меня же ожидало другое. Из Москвы пришло указание немедленно прибыть в Главное управление военных трибуналов. А там объявили, что идет подготовка к созданию Международного военного трибунала для суда над главными военными преступниками второй мировой войны, процесс состоится в Нюрнберге, и я командируюсь туда в составе советской делегации.

Поспешный выезд в дивизию. Сдача дел. Прощание с фронтовыми друзьями. И снова — в Москву.

Первая встреча с моим новым шефом — генерал-майором юстиции Ионой Тимофеевичем Никитченко. До сих пор я знал его как заместителя председателя Верховного Суда СССР. Теперь он — член Международного трибунала. В лаконичной беседе с Никитченко выясняется, что мне предстоит вестать в Нюрнберге советским секретариатом.

Пока оформляются документы, работаю в Военной коллегии Верховного Суда СССР. Наконец, вместе с военным прокурором Василием Самсоновым, тоже командиремым в Нюрнберг, я сажусь в самолет. Мы летели на процесс, который продлится около года и о котором так много будет написано и хорошего, и плохого, и правдивого, и лживого.

Скоро я услышу английского обвинителя Шоукросса, и он будет утверждать, что Нюрнбергский процесс "явится авторитетной и беспристрастной летописью, к которой будущие историки могут обращаться в поисках правды, а будущие политики в поисках предупреждения". Но когда закончится процесс, я прочту книгу его соотечественника публициста Монтгомери Бельджиона, где есть такие слова: "Если бы обыкновенный человек попал с луны в Нюрнберг, то он пришел бы к выводу, что там царит сплошная бессмыслица". В чем заключается эта "бессмыслица", разъяснит затем лорд Хенки. Он назовет Нюрнбергский процесс "опасным прецедентом для будущего" и поспешит заверить: "Чем скорее мы покончим с этими процессами, тем будет лучше...".

Я услышу в зале суда исполненное глубокого смысла заявление главного французского обвинителя Шампетье де Рибо:

— После предъявления документов, после того, как были заслушаны свидетели, после демонстрации кинофильмов, при просмотре которых даже сами подсудимые содрогнулись от ужаса, никто в мире не сможет утверждать, что лагеря уничтожения, расстрелянные военнопленные, умерщвленные мирные жители, горы трупов, толпы людей, изуродованных душой и телом, газовые камеры и кремационные печи, — что все эти преступления существовали лишь в воображении антинемецки настроенных пропагандистов, этого не сможет утверждать никто.

А пройдет несколько лет, и другие французы с пеной у рта станут опровергать Шампетье де Риба. Я прочту книгу Мориса Бардеша, выливающего не один ушат грязи на Нюрнбергский процесс, пытающегося доказать, что "нельзя слепо, на веру принимать приговор, подписанный победителями...". Я узнаю из газет о поездке по городам и весям Западной Германии французского профессора Поля Рассиньи. Он будет убеждать немцев в том, что приговор Международного трибунала был вынесен на основе "фальшивых свидетельских показаний и коммунистической травли".

В первые дни процесса главный американский обвинитель Роберт Джексон скажет:

— Преступления, которые мы стремимся осудить и наказать, столь преднамеренны, злостны и имеют столь разрушительные последствия, что цивилизация не может потерпеть, чтобы их игнорировали, так как она погибнет, если они повторятся.

Но тотчас же после процесса рядовой американец, не успевший еще забыть этих слов Джексона, окажется поставленным в тупик цинично откровенным заявлением сенатора Тафта о том, что "Соединенные Штаты еще долго будут сожалеть о приведении в исполнение Нюрнбергского приговора".

В ночь на 16 октября 1946 года мне доведется быть в здании, где совершится последний акт процесса — гитлеровскую клику поведут на эшафот. Но затем именно этот день кое-кто в ФРГ объявит "черным днем германской истории" и журнал "Национ Ойропа" прольет слезу по осужденным, напишет, что они "не нарушили ни одного из существующих где-либо законов".

Потом я прочитаю изданные в Америке и немедленно переведенные в Западной Германии мемуары Альфреда Розенберга. В них будет воспроизведено "политическое завещание" этого духовного отца расизма: "Как и другие великие идеи, знавшие победы и поражения, национал-социализм в один прекрасный день будет возрожден в новом поколении, которое создаст в новой форме империю для немцев... национал-социализм начнет произрастать из здоровых корней и превратится в крепкое дерево, которое даст свои плоды".

Нюрнбергский приговор не мог, конечно, не вызвать раздражения у уцелевших гитлеровских генералов. И неудивительно, что они открыли по нему массированный огонь из всех пропагандистских калибров.

Нюрнбергский процесс оказался таким явлением в истории международных отношений, которое на многие десятилетия дало пищу уму и государственным деятелям, и историкам, и юристам, и дипломатов.

В судебном зале

1 декабря 1945 года.

...Наконец мы в зале, где заседает Международный военный трибунал. Первое, что бросается в глаза, — отсутствие дневного света: окна наглухо зашторены.

А мне хотелось бы, чтобы этот зал заливали солнечные лучи, и через широкие окна, нарушая суровую размеренность судебной процедуры, сюда врывались бы многообразные звуки улицы. Пусть преступники чувствуют, что жизнь, вопреки их стараниям, не прекратилась, что она прекрасна.

Зал отделан темно-зеленым мрамором. На стенах барельефы — символы правосудия... Судьи и все присутствующие внимательно слушают прокуроров, свидетелей, подсудимых и их защитников. Каждые 25 минут меняются стенографистки (к концу дня должна быть готова полная стенограмма судебного заседания на четырех языках). Кропотливо трудятся фотографы и кинооператоры многих стран мира. Чтобы не нарушать в зале тишину и торжественность заседаний, съемки производятся через специально проделанные в стенах застекленные отверстия.

На возвышении — длинный стол для судей. За ним слева направо разместились генерал-майор юстиции И.Т. Никитченко, подполковник юстиции А.Ф. Волчков, англичане лорд Биркетт и лорд Лоренс, американцы Биддл и Паркер, французы Доннедьё де Вабр и Робер Фалько. Ниже судебного стола, параллельно ему, расположился секретариат. Еще ниже — стенографистки.

Справа — большие столы сотрудников прокуратуры четырех держав, руководимых главными обвинителями: от СССР — государственным советником юстиции 2-го класса Р.А. Руденко, в то время занимавшим пост прокурора Украинской ССР; от США — Робертом Джексонном, членом Верховного суда; от Великобритании — Хартли Шоукроссом, генеральным прокурором Англии; от Франции — Франсуа де Ментоном, членом французского правительства. Позади обвинителей — места для представителей прессы.

Слева от входа — скамья подсудимых. Первый ряд ее занимают Герман Геринг, Рудольф Гесс, Иоахим фон Риббентроп, Вильгельм Кейтель, Эрнст Кальтенбруннер, Альфред Розенберг, Ганс Франк, Вильгельм Фрик, Юлиус Штрейхер, Вальтер Функ, Яльмар Шахт. Во втором ряду — Карл Дениц, Эрих Редер, Бальдур фон Ширах, Фриц Заукель, Альфред

Йодль, Франц фон Папен, Артур Зейсс-Инкварт, Альберт Шпеер, Константин фон Нейрат, Ганс Фриче. Перед каждым судебным заседанием их доставляют сюда по одному. Под усиленным конвоем они следуют через новый подземный ход, соединяющий тюрьму с Дворцом юстиции, и поднимаются в пустой еще зал. Беспшумно открывается узкая дубовая дверь, и подсудимые, как злые духи, будто возникают прямо из стены. Одни здороваются друг с другом. Другие озлобленно, по-волчьи шмыгают на свои места, ни на кого не глядя.

Скамью подсудимых окружают солдаты американской военной полиции. Впереди нее на специально отведенных местах — одетые в мантии адвокаты.

На втором этаже зала — балкон для гостей...

В этой обстановке предстояло работать без малого год. Судебный процесс начался 20 ноября 1945 года и закончился 1 октября 1946 года. Трибунал провел 403 судебных заседания...

В первый же день процесса в кратком вступительном слове о правовых основах деятельности Международного военного трибунала председательствующий заявил:

— Процесс, который должен теперь начаться, является единственным в своем роде в истории мировой юриспруденции, и он имеет величайшее общественное значение для миллионов людей на всем земном шаре. По этой причине на тех, кто принимает в нем какое-либо участие, лежит огромная ответственность, и они должны честно и добросовестно выполнять свои обязанности без какого-либо попустительства, сообразно со священными принципами закона и справедливости.

Мы еще увидим, насколько вняли этому призыву некоторые участники процесса, как отнеслась к нему защита, как вели себя многочисленные и очень не одинаковые по своему положению и политическим взглядам свидетели. А пока мне хотелось бы задержать внимание читателя на скамье подсудимых.

Нацистские главари стараются держаться непринужденно. Они переговариваются между собой, пишут записки адвокатам, делают довольно пространственные записки для себя. Особенно усердствует Риббентроп. Он буквально завалил защитника своими "инструкциями" и, пожалуй, с самого начала процесса прямо в зале суда стал сочинять "мемуары". Казалось бы, зачем? Ни один еще из буржуазных государственных деятелей не получал возможности столь обстоятельно поведать миру о своей жизни и своих делах, как это довелось в Нюрнберге бывшим членам правительства гитлеровской Германии. Стенографический отчет процесса явился уникальным собранием правдивых био-

графий нацистских политиков. Но это противоречило их желаниям и намерениям. Нет, не такие "мемуары" хотелось им оставить для истории. И каждый старался по-своему. Одни сами взялись за перо. Другие попытались использовать в этих целях перо многочисленных агентов буржуазной прессы.

Уже в первые дни процесса я заметил, что с подсудимыми часто беседует молодой американский офицер с повязкой "ISO"¹. То был судебный психиатр доктор Джильберт. В Нюрнберге этому человеку завидовали журналисты всего мира. Как все они, Джильберт мог слушать и наблюдать происходящее в зале суда. Как никто из них, он имел возможность без всяких ограничений в любое время общаться с подсудимыми и в зале суда, и в камерах тюрьмы, и публично, и наедине.

Доктор Джильберт хорошо владел немецким языком, который, как рассказывали, был для него родным. Он знал многое, чего не знали другие. Журналисты буквально охотились за ним, надеясь выудить что-нибудь сенсационное для прессы. Перед самым концом процесса он сообщил мне, что заканчивает обработку своих дневников, и несколько западных издательств очень торопят его с этим. Ему очень хотелось, чтобы и советские издательства приобрели эту рукопись. Джильберт передал мне первую ее половину для ознакомления. А полностью его книгу "The Nurenberg diary"² я прочел позже. Она была издана в США и во многих европейских странах. По-своему это очень любопытный документ, особенно для участников процесса. Джильберт дополняет общую картину увиденного в Нюрнберге рядом ярких деталей, о которых подсудимые поведали ему в частных беседах. Это как бы ежедневный комментарий самих подсудимых ко всем сколько-нибудь значительным событиям процесса, в какой-то степени объясняющий их собственное поведение в суде. Джильберт оказался тонким наблюдателем.

Галерею для гостей всегда переполняли офицеры союзных армий, преимущественно американской. Приезжали сюда и тогдашний военный министр США Паттерсон, и бывший военный министр Англии Хор-Белиша, и лорд-канцлер Англии Джоунит, и председатель английской комиссии по расследованию военных преступлений лорд Райт, и лорд Моэм — брат писателя Соммерсета Моэма, и известные публицисты Гарольд Никольсон, Уолтер Липпман, Джозеф Олсон.

Как-то у судей меня познакомили с одним толстяком, очень живым и экспансивным. То был Фиорелло Лагардиа, губернатор Нью-Йорка.

¹ Internal security office (Служба внутренней безопасности).

² "Нюрнбергский дневник".

Не раз в зале суда появлялись весьма расфранченные дамы, каким-то образом получившие пропуски на длительный срок. Одни из них — жены подсудимых, другие — супруги крупных государственных деятелей западных стран...

Говорили, что в Нюрнберг приезжала жена Рудольфа Гесса. Проживая во время процесса в американской зоне, она только и делала, что рассказывала всем о "великих достоинствах" мужа и своем намерении издать собственный дневник.

Подстать фрау Гесс была и жена Гимmlера. Эта тоже не пропускала ни одной возможности поговорить с иностранными корреспондентами и поведать им, что она "считает своего мужа великим немецким вождем".

В той же шеренге шествовала жена Квислинга, которая громогласно объявила, что ее муж "мученик, умерший за нордическую свободу".

Но оставим в стороне дам. Не они, в конечном счете, определяли лицо публики на галерее для гостей и в кулуарах Дворца юстиции. И там и здесь куда больше было "деловых" людей.

Вот ведут беседу два человека. Один, на вид лет пятидесяти, весьма respectable джентльмен небольшого роста, — представитель какого-то издательства. Второй, в черной мантии, — адвокат Альфреда Розенберга, высокий и массивный Тома. Доктор Серватиус — адвокат Заукеля, наблюдая за собеседниками со стороны, понимающе качает головой. Несколько позже он жаловался, что вся защита подсудимых, и без того перегруженная по горло, почти ежедневно должна была вести переговоры с заполнившими Нюрнберг американскими и английскими издателями, решившими, что можно неплохо заработать на публикации мемуаров подсудимых. И результаты этих переговоров проявились незамедлительно: сразу же по окончании процесса в Америке были опубликованы мемуары Розенберга и Риббентропа, написанные в Нюрнбергской тюрьме.

Своеобразный колорит вносили своим появлением в коридорах Дворца юстиции пленные эсэсовцы. Их использовали для всякого рода подсобных работ: перетаскивания мебели, уборки помещения. Этих эсэсовцев каждое утро привозили в крытой машине. Потом они как-то сразу исчезли. Это совпало с появлением в длинных коридорах Дворца юстиции дзотов, в которых постоянно дежурили американские солдаты, вооруженные пулеметами и автоматами. Были также установлены зенитные посты на крыше, и вся американская охрана приведена в боевую готовность.

При случае спрашиваю начальника охраны полковника Эндрюса, кто угрожает Международному трибуналу. Оказывается, пленные эсэсовцы.

Они будто бы разбежались из лагеря, захватили оружие и идут на Нюрнберг. Относительно целей этого похода циркулировали различные слухи. Одни утверждали, что эсэсовцы решили силой освободить нацистских главарей. Другие доказывали, что они собираются линчевать их за проигрыш войны. Вскоре, однако, выяснилось, что все эти слухи сильно преувеличены. Дзоты были убраны. Но корреспонденты буржуазных газет ликовали: им представилась счастливая возможность сообщить в свои газеты, журналы и агентства еще одну сенсацию из Нюрнберга.

Нельзя забыть и такой эпизод. Однажды утром я вошел в зал суда вместе с Л.Р. Шейниным. До начала заседания осталось минут двадцать. Мы стояли недалеко от скамьи подсудимых и разговаривали. Ввели фон Папена, и я заметил, как он вдруг остановился, встретившись взглядом с моим собеседником. Лев Романович тоже всматривался в Папена с каким-то особым выражением. Когда Папен сел на свое место, а мы с Львом Романовичем вышли в коридор, мне, естественно, захотелось узнать, чем обусловлен их взаимный повышенный интерес друг к другу.

— Ничего особенного, — усмехнулся Шейнин. — Просто мы старые знакомые.

И он рассказал, как в 1942 году был командирован советским правительством в Турцию в связи с делом о покушении на Папена. По этому делу без всяких оснований привлекались к суду советские граждане Павлов и Корнилов. Льву Романовичу предстояло возглавить их защиту. Но перед тем турецкое МИД устроило хитрую шутку: Л.Р. Шейнина пригласили вместе с нашим тогдашним послом в Анкаре С.А. Виноградовым на спортивный праздник и усадили их рядом с Папеном. Там-то и состоялось первое знакомство нацистского деятеля с видным советским следователем и литератором. А теперь вот в Нюрнберге они встретились вновь, и Папен, конечно, узнал Шейнина.

В богатой контрастами картине Дворца юстиции особое место занимали переводчики. Теперь мы уже привыкли к тому, что во время международных встреч и конгрессов, где дискуссии ведутся на многих языках, ораторы не прерывают своих речей для перевода. Перевод осуществляется синхронно: с помощью радиоаппаратуры немцы и болгары, французы и арабы, англичане и итальянцы сразу слышат на доступных им языках любое высказывание. Но тогда, в Нюрнберге, такая система перевода была в новинку, особенно для советских переводчиков. С микрофоном они работали впервые, и можно себе представить, как все мы волновались, имея в виду, какое огромное значение придается в судебном разбира-

тельстве буквально каждому слову. Однако волнения эти оказались напрасными. Наши ребята (я называю их так потому, что почти все переводчики были еще в комсомольском возрасте) не ударили в грязь лицом.

У делегаций США, Англии и Франции состояло на службе значительное количество русских эмигрантов. Были среди них и такие, которые упорно сохраняли к Советскому Союзу враждебное отношение. Но большинство все-таки явно симпатизировало нам. Многие из этих людей покинули родные места еще в детские годы. Находясь за границей, в массе своей они бедствовали. Помнилась война с Германией 1914-1918 годов, полная неудач для царской России. И вдруг четверть века спустя, когда германские милитаристы вновь оказались на русской земле, все обернулось по-иному — война закончилась блистательной победой русских. Уже от одного этого у некоторых белоэмигрантов не могло не заговорить чувство национальной гордости, и они потянулись тогда к нам, советским людям.

Как-то раз во время очередного заседания ко мне подошел один из секретарей советской делегации майор Львов — мой старый друг, военный прокурор, с которым мы вместе начинали фронтovou путь. Он сообщил, что в коридоре меня дожидается какой-то сотрудник английской делегации. Я спустился вниз и увидел пожилого человека, небогато одетого. Лет ему было под шестьдесят.

— Чем могу быть полезен? — обратился я к нему по-английски.

— Господин майор, — ответил он по-русски, — позвольте мне говорить с вами на родном языке.

После этого незнакомец представился. За точность не ручаюсь, но, кажется, фамилия его была Строганов. Он эмигрировал из России после революции. До того был не то членом правления, не то просто чиновником Российского общества пароходства и торговли. Некоторое время жил в Одессе.

Оказавшийся рядом Аркадий Львов не удержался от восклицания:

— Так вы же с майором земляки!

Это была не самая удачная реплика. Строганов забросал меня вопросами. Чувствовалось, что он сохранил глубокое уважение к своей Родине, а к Одессе — нежную сентиментальную любовь. В глазах его появились слезы. Старого одессита интересовало все: велики ли в городе разрушения, цел ли Николаевский бульвар, гостиница Лондонская, как Дюк? Ну и, конечно, осведомился о состоянии оперного театра, в отношении которого одесские аборигены десятки лет спорили, первый ли он по красоте

и изяществу в мире или только в Европе. Некоторые снисходительно соглашались с тем, что в Вене построили такой же театр, но, разумеется, скопировав с одесского. Этот спор, начавшийся где-то в XIX веке, прошел через две революции и несколько войн, но острота его не уменьшилась.

Не скрою, мне приятно было поболтать со стариком. Они ведь очень занятные, эти одесские старики. Недаром о них с такой симпатией писали Куприн, Бабель, Ильф и Петров. Но времени у меня было в обрез, и я постарался переключить нашу беседу на деловой тон:

— Так чем же я все-таки обязан вашему вниманию, господин Строганов?

— Господин майор, я очень прошу вас представить меня его превосходительству генералу Никитченко.

Майор Львов чуть было не прыснул от такой торжественной формы обращения, но сдержал себя и тактично заметил:

— Господин Строганов, а ведь можно и без "превосходительства".

Старик улыбнулся, взглянул поочередно на нас обоих и не без лукавства отпарировал:

— А ведь я знаю, господа, что в России все это отменено. И считаю, что это было сделано правильно. Но покорнейше прошу меня извинить: теперь самое время восстановить эти слова. После всего, что случилось... после таких побед русской армии я не могу обращаться к русскому генералу без приставки "ваше превосходительство".

Я обещал Строганову посодействовать его знакомству с Никитченко, хотя так и не мог понять, о чем он хочет говорить с весьма несловохотливым Ионой Тимофеевичем. Старик был очень доволен и заверил, что впредь мы можем полагаться на него, он всегда готов помочь нам.

— И вообще, господа, — закончил он, — я ведь знаю местную русскую эмиграцию. Можете к ней относиться с доверием. Люди настроены к вам очень дружески.

Скоро мы действительно убедились в этом. Многие из эмигрантов старались по мере сил быть полезными нам.

Помню, однажды мне пришлось вступить в спор с начальником отдела переводов генерального секретариата полковником Достером. Нами с некоторым опозданием был сдан в перевод с русского на английский язык текст предстоящей речи помощника главного советского обвинителя Л.Н. Смирнова. Одновременно подоспела к переводу речь другого советского обвинителя — Л.Р. Шейнина. Полковник Достер отказался обеспечить своевременный перевод. Мы и сами понимали, что ставим переводчиков в тяжелое положение, но продолжали добиваться своего. Чтобы убе-

дить нас в невозможности своевременно перевести обе речи, полковник Достер повел меня и Шейнина в русскую секцию бюро переводов, состоявшую из эмигрантов. Каково же было удивление Достера, когда возглавлявшая секцию княгиня Татьяна Владимировна Трубецкая заявила ему:

— Милый полковник, вы, конечно, правы. Но на этот раз позвольте нам, русским, самим договориться с русскими.

Нас же она заверила, что работа будет выполнена в срок. И слово свое сдержала.

В памяти остались и некоторые другие встречи с эмигрантами.

Хочется сказать, в частности, о Льве Толстом — внучатом племяннике великого писателя. Как сейчас, вижу перед собой худощавое смуглое лицо человека лет тридцати — тридцати трех. Работал он переводчиком во французской делегации и, возвратившись однажды из поездки в Париж, привез советским писателям, работавшим на процессе, сердечное приветствие от И.А. Бунина. Бунин прислал также свежий номер русского эмигрантского журнала, в котором был напечатан его рассказ "Чистый понедельник". Об этом рассказе много говорили и спорили. Но в одном соглашались все: от начала до конца его пронизывало чувство беспредельной тоски по Родине и нежнейшей любви к ней.

Не могу я забыть и того, как пришла к нам группа русских переводчиков из западных делегаций с просьбой показать им документальные фильмы о преступлениях нацистов на советской территории. Такой киносеанс был организован, и трудно описать, что на нем происходило. Плакали поголовно все — мужчины и женщины, молодые и старые. Волнение зрителей было непередаваемым. И тогда мне невольно вспомнились слова Дантона, брошенные в ответ на предложение эмигрировать из Франции, ибо гнев Робеспьера скоро достигнет и его:

— Нельзя унести Родину на каблуках своих башмаков.

Да, действительно нельзя!

Каждый день процесса был по-своему богат впечатлениями. Не случайно в нюрнбергский Дворец юстиции стекалось тогда такое количество писателей и публицистов. Нашу советскую прессу представляли Константин Федин, Леонид Леонов, Илья Эренбург, Всеволод Иванов, Всеволод Вишневский, Борис Полевой, Лев Шейнин, художники Кукрыниксы, Борис Ефимов, Николай Жуков и др...

Публикация Давида ПОЛТОРАКА